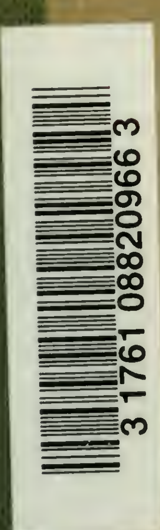
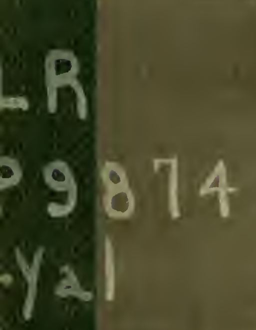

Pushkin, Aleksandr Sergyeevich
Aleksandrovsky Litsei, Leningrad
Въ память пятидесятилѣтія кончины
А.С.Пушкина.

Title transliterated:
V pamyat' pyatidesyatilyetiya
konchinui A.S.Pushkina

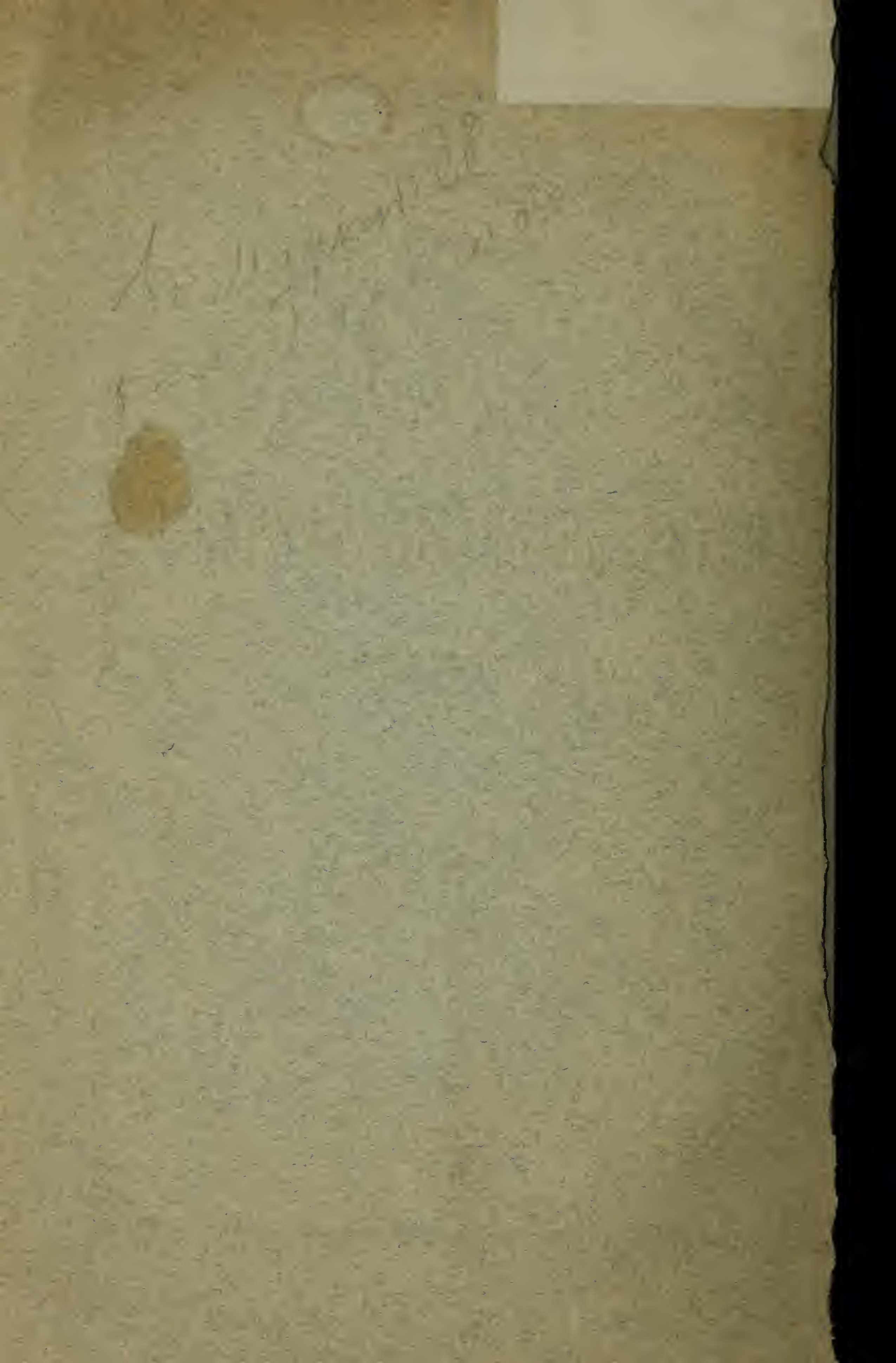

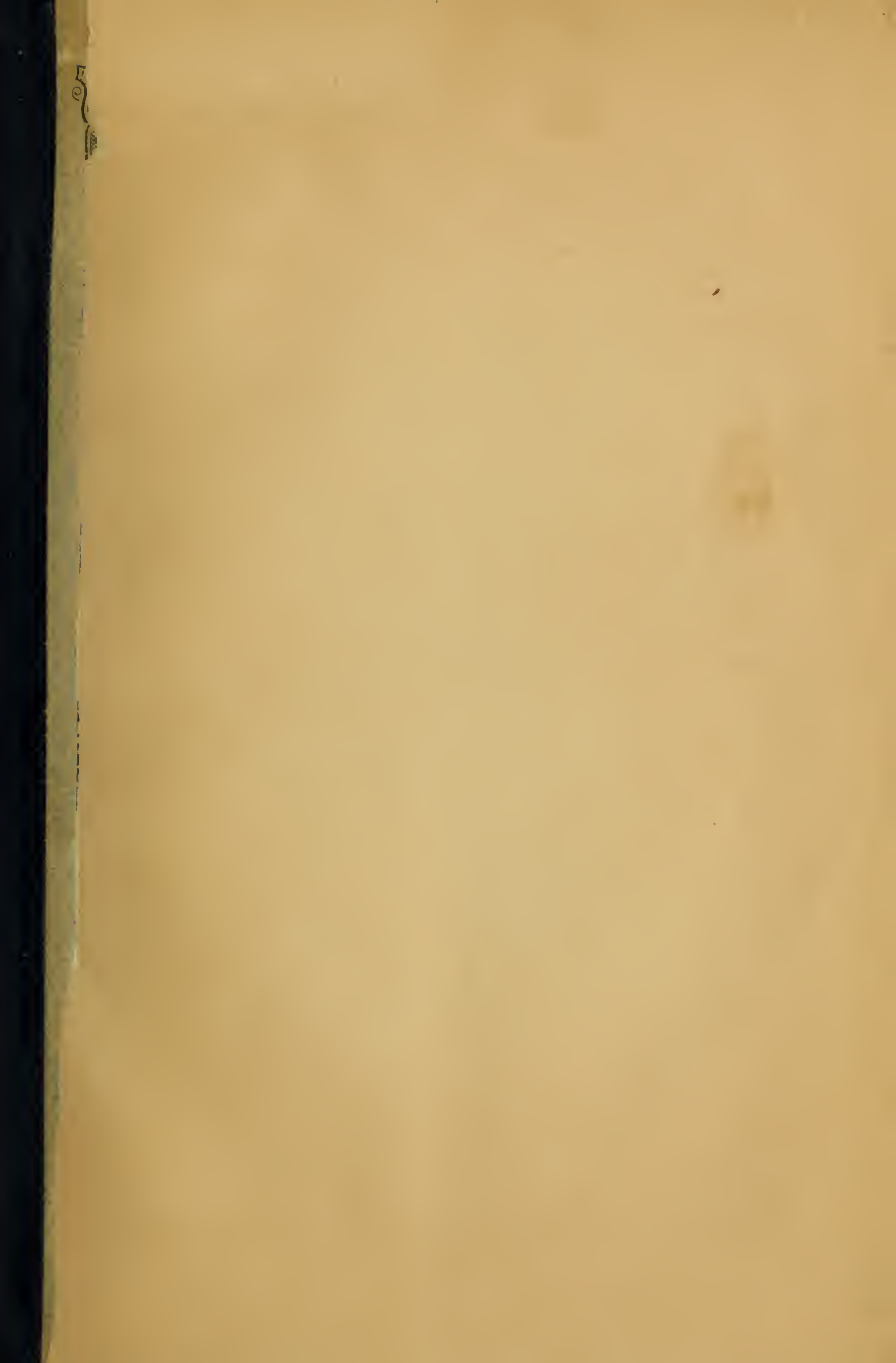
29 Января 1887 года.

ВЪ ПАМЯТЬ
ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ КОНЧИНЫ
А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18–20.
1887.

[Доз]волено цензурою. С.-Петербургъ, 4 мая 1887 г. Фототипiя Экспедицiи заготовленiя госуд. бумагъ.

29 Января 1887 года.

ВЪ ПАМЯТЬ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ КОНЧИНЫ

А. С. ПУШКИНА.

Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18—20.
1887.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Александровскаго Лицея. Спб. 18 Марта 1887 г.

Совѣтъ Императорскаго Александровскаго Лицея въ засѣданіи своемъ отъ 20 января 1887 г. постановилъ почтить день пятидесятилѣтія кончины великаго первенца Лицея А. С. Пушкина заупокойной панихидой въ лицейской церкви и произнесеніемъ рѣчей и стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта.

Панихида была отслужена въ 1 часъ пополудни законоучителемъ Лицея священникомъ І. Н. Смирновымъ въ присутствіи г. попечителя И. Н. Дурново, всего наличнаго состава Лицея, множества бывшихъ его воспитанниковъ, а также родственниковъ покойнаго А. С. Пушкина: его сына А. А. Пушкина *) и дочери М. А. Гартонгъ.

По окончаніи панихиды въ актовомъ залѣ было открыто подъ предсѣдательствомъ г. попечителя публичное засѣданіе Совѣта. Первымъ взошелъ на каѳедру лицеистъ VI курса академикъ Я. К. Гротъ, охарактеризовавшій въ интересной своей рѣчи Лицейскія стихотворенія Пушкина. За нимъ слѣдовали профессоръ Лицея И. Н. Ждановъ и лицеистъ XIV курса В. П. Гаевскій, произнесшіе рѣчи «О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы» и «О вліяніи Лицея на творчество Пушкина», и лицеистъ XI курса В. Р. Зотовъ, прочитавшій свои стихотворенія «Памяти лицейскаго поэта».

Послѣ этого секретарь Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, лицеистъ XXI курса

*) Въ Лицеѣ въ настоящее время воспитывается внукъ поэта Г. А. Пушкинъ.

Д. Ѳ. Кобеко сообщилъ собранію постановленіе Комитета Общества о поднесеніи Лицею перваго экземпляра изданныхъ Обществомъ сочиненій А. С. Пушкина.

Въ заключеніе четыре воспитанника Лицея прочли стихотворенія Пушкина: Левестамъ—стихотвореніе «Муза», Осиповъ—«19 октября 1831 г.», Чебышевъ—«Пророкъ» и Вуичъ—«Памятникъ».

Къ настоящему изданію рѣчей и стихотвореній, прочитанныхъ въ Лицеѣ 29 января 1887 г., приложены снимки съ принадлежащихъ Лицею двухъ автографовъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина и съ акварельнаго портрета поэта въ лицейской формѣ. Портретъ этотъ, до сихъ поръ почти вовсе неизвѣстный, былъ сдѣланъ передъ выходомъ Пушкина изъ Лицея и первоначально принадлежалъ бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту. Послѣ смерти Энгельгардта онъ перешелъ къ товарищу и другу Пушкина Ф. Ф. Матюшкину и имъ былъ подаренъ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Куломзиной (урожденной Замятниной), у которой находится онъ и въ настоящее время. Благодаря ея обязательному согласію, съ портрета былъ сдѣланъ Н. И. Кондоянаки снимокъ посредствомъ фотографіи и такимъ образомъ онъ дѣлается теперь общимъ достояніемъ. Оригиналъ уже значительно выцвѣлъ и потому снятіе съ него копіи и воспроизведеніе ея представляло не мало трудностей. Несмотря на это портретъ вышелъ весьма удачнымъ, благодаря сочувственному отношенію къ дѣлу г. управляющаго экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ Ф. Ф. Винберга. Лицей считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую признательность Е. Д. Куломзиной, Н. И. Кондоянаки и Ф. Ф. Винбергу, содѣйствіе которыхъ сдѣлало возможнымъ украсить настоящее изданіе новымъ портретомъ Пушкина.

Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ.

Рѣчь Я. К. Грота.

Мм. Гг.

Память Пушкина дорогá для каждаго русскаго, но она вдвойнѣ дорогá для питомца Лицея. Она прежде всего переноситъ его въ тотъ счастливый прiютъ, гдѣ и красота мѣстности, и удаленiе отъ шума столицы, и стеченiе особенныхъ обстоятельствъ, и наконецъ славныя современныя событiя какъ бы нарочно соединились къ тому, чтобы плодотворно направить образованiе генiальнаго отрока и ускорить развитiе его способностей.

Въ числѣ духовныхъ благъ, завѣщанныхъ старымъ Лицеемъ новому, едва ли не всѣхъ выше блистающее на скрижаляхъ ихъ безсмертное имя питомца, обогатившаго достоянiе своего народа нетлѣнными сокровищами. Такое наслѣдiе неоцѣненно, но оно налагаетъ на Лицей и обязанность быть достойнымъ его, постоянно поддерживая въ себѣ бодрую умственную жизнь, добросовѣстно выполняя свою задачу въ общей системѣ русскаго образованiя.

Мнѣ выпалъ жребiй принадлежать, въ два разные перiода моей жизни, тому и другому Лицею. Не есте-

ственно ли поэтому, что при чествованіи памяти Пушкина я избираю предметомъ своей бесѣды тѣ годы жизни поэта, когда онъ, говоря собственными его словами, «въ садахъ Лицея безмятежно расцвѣталъ»?

Это время было очень близко къ тому завѣтному шестилѣтію, которое мнѣ довелось прожить въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ ту пору онъ былъ еще полонъ свѣжихъ воспоминаній о Пушкинѣ и уже оглашался его славой. При моемъ поступленіи въ Лицей прошло только 15 лѣтъ съ основанія его, и только 9 лѣтъ со времени выпуска Пушкина. Но въ глазахъ подрастающаго поколѣнія такое число лѣтъ составляетъ значительный періодъ: мнѣ и моимъ товарищамъ пушкинское время казалось далекой стариной въ жизни заведенія. Между тѣмъ мы еще застали тамъ нѣкоторыхъ изъ наставниковъ 1-го курса. Изъ числа гувернеровъ это были: Чириковъ, дававшій уроки рисованія, и Калиничъ, учитель чистописанія. Изъ профессоровъ пушкинскаго времени при насъ оставались еще: Карцовъ по каѳедрѣ математики и физики, Кайдановъ по исторіи и Кошанскій по русской и латинской словесности.

Преданія о первомъ курсѣ лицеистовъ чрезвычайно интересовали насъ: съ жадностью слушали мы всякій разсказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ, всякую подробность первоначальной исторіи Лицея. Изъ товарищей Пушкина вниманіе наше привлекали особенно баронъ *Дельвигъ*, какъ другъ его и поэтъ, *Вальховскій*, князь *Горчаковъ* и баронъ *Корфъ* по быстрой ихъ карьерѣ, которая тогда уже могла назваться блестящею, наконецъ *Матюшкинъ* по слухамъ о его странствованіяхъ и страсти къ морю. Но надъ всѣми преданіями Лицея царило громкое имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть

его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ. Надо помнить, что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Лицея, стихи Пушкина считались нѣкотораго рода запрещеннымъ плодомъ. Старая офиціальная педагогика еще не отваживалась помѣстить его въ созвѣздіе образцовыхъ писателей. Но въ обществѣ и среди молодежи художественное чувство предупредило рѣшеніе педагогики: на школьныхъ скамьяхъ распѣвалась «Черная шаль»; мы зачитывались поэмами Пушкина и первыми пѣснями Евгенія Онѣгина. Изъ лицейскихъ же стихотвореній 1-го курса мы почти ничего не знали, пока находились въ заведеніи. Я познакомился съ ними только черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ Лицея, именно въ 1833 г., когда товарищъ Пушкина, баронъ М. А. Корфъ, тогдашній мой начальникъ по канцеляріи комитета министровъ, далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропустивъ конечно ни одной пьесы Пушкина.

Изъ всего мною сказаннаго, вамъ, Мм. Гг., будетъ ясно, почему я съ особенною любовью останавливаюсь на лицейскихъ стихотвореніяхъ нашего поэта. Конечно, послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ: мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе. Кромѣ того, они заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ лицейской

жизни Пушкина нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности: извѣстно, какъ часто онъ въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣсту его воспитанія, вспоминаетъ о Лицеѣ и Царскомъ Селѣ, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, какое благотворное значеніе они имѣли въ его духовной жизни.

Прежде всего насъ поражаетъ масса того, что написано Пушкинымъ въ Лицеѣ. Его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130-ти, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишенные поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе дружное соединеніе нѣсколькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необычайное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства: изъ числа 30-ти воспитанниковъ 1-го курса Лицея цѣлая треть поступила туда изъ Московскаго университетскаго пансіона, гдѣ подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность; извѣстно, что Жуковскій съ товарищами, еще въ бытность свою въ этомъ пансіонѣ, издавалъ журналы, въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и въ прозѣ. Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе конечно не достигло бы такого пора-

зительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ Лицей 12-ти лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ былъ уже литераторомъ: съ 9-тилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился дома съ извѣстнѣйшими русскими писателями—Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ. Какое значеніе онъ имѣлъ для товарищей, можно видѣть изъ современнаго свидѣтельства: Лицей открытъ былъ въ октябрѣ 1811 года, а уже въ мартѣ 1812 г. одинъ изъ воспитанниковъ, Илличевскій, пишетъ своему бывшему соученику въ петербургской гимназіи Фуссу: «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человѣка*, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса». Этимъ учителемъ своихъ товарищей былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они всегда смотрѣли какъ на старшаго. Кромѣ его, въ издававшихся тогда московскихъ и петербургскихъ журналахъ печатали свои труды: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Понятно, что прилежныя упражненія въ стихотворствѣ оставляли воспитанникамъ не много времени на слушаніе и приготовленіе уроковъ. Начальство, замѣтивъ это, запретило имъ сочинять, о чемъ Илличевскій и сообщаетъ своему петербургскому пріятелю, прибавляя однакожъ: «но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ) пишемъ украдкою». Впрочемъ запрещеніе продолжалось не долго: уже черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго извѣстія Илличевскій пишетъ тому же молодому человѣку: «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять».

Надо замѣтить, что и самые порядки въ новооткры-

томъ заведеніи не благопріятствовали или, вѣрнѣе, мѣшали учебнымъ ззнятіямъ. Тотъ же Илличевскій разсказываетъ Фуссу съ видимымъ торжествомъ: «Учимся въ день только семь часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются: на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учится, кто хочетъ гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики». Это положеніе учебнаго дѣла продолжалось, при первомъ курсѣ, и послѣ. Въ 1814 г., въ концѣ пребыванія въ младшемъ курсѣ, Илличевскій пишетъ: «Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки, а) страсть къ стихамъ». Нѣсколько позднѣе нашъ источникъ хвастливо заявляетъ: «Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся».

Все это можетъ служить краснорѣчивымъ объясненіемъ тѣхъ неодобрительныхъ аттестацій, какія получалъ Пушкинъ отъ своихъ наставниковъ. Къ живости и пылкости его природы, къ его неодолимой потребности художественнаго творчества присоединялся соблазнъ успѣха и извѣстности, которые такъ легко доставались ему уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гласности. Могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, отвѣчать обыкновеннымъ педагогическимъ требованіямъ? Но неисправность его въ приготовленіи уроковъ, которую приписывали лѣности, легкомыслію и т. п., вовсе не значила, что онъ не оказывалъ успѣховъ. Одинъ изъ его біографовъ, Плетневъ, справедливо замѣчаетъ, что Пушкинъ «изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе, нежели его товарищи». Особенно же вознаграждалъ онъ

недостатокъ прилежанія чтеніемъ и, при своей необыкновенной памяти, быстро усвоивалъ себѣ навсегда все, пріобрѣтенное этимъ путемъ. Читая его лицейскія стихотворенія, мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много, и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще той способности, которая свойственна геніальнымъ умамъ, угадывать то, что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ.

Изъ положительныхъ свѣдѣній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ древнимъ греческимъ и римскимъ міромъ, почерпнутое имъ конечно не изъ одного чтенія поэтовъ, но и изъ книгъ, спеціально посвященныхъ этому предмету. Безъ сомнѣнія, и Кошанскій, объясняя поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и миѳологіи. Въ 1817 г. Кошанскій издалъ учебникъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «Ручная книга древней классической словесности». Это переводъ сочиненія Эшенбурга съ нѣкоторыми дополненіями переводчика. Но прежде изданія этой книги Кошанскій уже пользовался ею при своемъ преподаваніи. Такимъ образомъ Пушкинъ подробно изучилъ между прочимъ древнюю миѳологію, и безпрестанно заимствуетъ изъ нея образы и сюжеты для своихъ лицейскихъ стихотвореній.

Необыкновенное знаніе родного языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина.

Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова, но Пушкинъ скоро придалъ ему еще бо́льшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ Лицеѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности; но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ, напр., нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Наперекоръ имъ, Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время. Какая разница, напр., между стихами В. Л. Пушкина и его геніальнаго племянника, уже въ бытность его въ Лицеѣ!

Нельзя безъ особеннаго наслажденія слѣдить за быстрымъ развитіемъ могучаго таланта въ юношескихъ его произведеніяхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. По настроенію поэта, лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 г. приблизительно до осени 1816, вторая отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 г. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое настроеніе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгою формой большей части стихотвореній.

По содержанію и роду поэзіи, лицейскія стихотворенія Пушкина очень разнообразны и могутъ быть раздѣлены на посланія, анакреонтическія пьесы, эпиграммы и вообще мелочи, затѣмъ стихотворенія торжественнаго содержанія и наконецъ разсказы въ эпическомъ родѣ. Между послѣдними встрѣчается уже и одна пьеса изъ русскаго сказочнаго міра, именно стихотвореніе *Бова*.

Послѣ двухъ французскихъ четверостишій собраніе русскихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина начинается двумя ребяческими обращеніями къ какой-то *Деліи* и эротическою пьескою *Измѣны*, вызванной первымъ предметомъ его увлеченій, дочерью графа Кочубея. Въ послѣднемъ Пушкинъ уже называетъ себя *юнымъ пѣвцомъ*. Эти три пьесы относятся къ 1812 году, когда Пушкину было только 13 лѣтъ. За слѣдующій годъ мы не находимъ въ собраніи ни одного стихотворенія.

1814 годъ открывается двумя посланіями: *къ сестрѣ* и *къ другу-стихотворцу*. Идея посланія къ сестрѣ основана на шуткѣ, что Лицей—монастырь, а поэтъ—чернецъ, живущій въ уединенной кельѣ. Ему представляется, что онъ изъ этой кельи вечернею порой вдругъ перелетаетъ на берега Невы и подноситъ сестрѣ *пукъ стиховъ*:

Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я не богатый,—
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Всего любопытнѣе конецъ посланія, въ которомъ поэтъ, за три года до окончанія курса, уже мечтаетъ о выпускѣ:

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ.
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои,
Подъ столъ клобукъ съ веригой—
И прилечу *разстригой*
Въ объятія твои.

Въ посланіи *къ другу-стихотворцу* опять преобладаетъ шуточный тонъ; напр. тутъ говорится:

На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія!

Стараясь отвратить друга отъ поэзіи, Пушкинъ представляетъ ему, между прочимъ, незавидную судьбу, часто постигающую поэтовъ:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки—
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.—
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы,
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ;
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Изъ остальныхъ стихотвореній 1814 г. особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Городокъ* и *Пирующіе студенты*. *Городокъ*, и по вымыслу и по формѣ, явное подражаніе Батюшкову. Батюшковъ былъ въ это время любимымъ поэтомъ молодого Пушкина, который видывалъ его еще въ родительскомъ домѣ, а позднѣе и въ Лицеѣ. *Городокъ*—одно изъ тѣхъ лицейскихъ стихотвореній, въ которыхъ всего ярче является шутливое настроеніе поэта вмѣстѣ съ автобіографическимъ элементомъ; особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей: тутъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, въ которомъ онъ, подобно императрицѣ Екатеринѣ II, признаетъ своего главнаго любимца:

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ, въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ—
Скажу ль?.. Отецъ *Кандида*!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.

Послѣ исчисленія другихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ подобающее мѣсто отведено

Вержье, Парни съ Грекуромъ,

послѣ мѣткаго щелчка Хвостову и заключительнаго обращенія къ «любимымъ творцамъ», весь день его занимающимъ, нашъ поэтъ переходитъ къ самому себѣ:

Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ—
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,

Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»

Такъ мечта о славѣ уже волнуетъ поэта и 15-тилѣтній Пушкинъ уже сознаетъ свое поэтическое призваніе.

Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* воспѣвается одна изъ тѣхъ товарищескихъ пирушекъ, которыя, по замѣчанію В. П. Гаевскаго, существовали болѣе въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности. Если вѣрить дошедшему до насъ (позднѣйшихъ лицеистовъ) преданію, Пушкинъ не былъ любимъ большинствомъ товарищей: причиной тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе, которое, при чувствѣ его превосходства надъ другими, иногда разыгрывалось на счетъ ихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ однакожъ, именно съ тѣми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Это были: Дельвигъ, Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, кн. Горчаковъ, Яковлевъ и особенно Пущинъ, т. е. почти все тѣ товарищи, которыхъ онъ упоминаетъ въ первомъ и главномъ изъ своихъ стихотвореній на лицейскую годовщину (1825 г). Къ этой же плеядѣ принадлежалъ отчасти и Илличевскій, первое время бывшій съ Пушкинымъ въ нѣкоторомъ соперничествѣ какъ по страсти къ поэзіи, такъ и по остроумію. Большую часть этихъ первенцевъ Лицея я зналъ еще лично: одни изъ нихъ,— Дельвигъ, Вальховскій, какъ и самъ Пушкинъ,—посѣ-

тили при мнѣ Лицей, другихъ я встрѣчалъ у гр. Корфа. Въ пьесѣ *Пирующіе студенты* можно указать на нѣкоторыя черты, полнѣе и ярче выставленныя имъ черезъ 11 лѣтъ въ названномъ произведеніи на лицейскую годовщину. Этихъ товарищей онъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ, съ тѣми особенностями, которыя каждаго изъ нихъ отличали. Подъ именемъ «спартанца», которому онъ заставляетъ президента пирушки поднести «воды въ стаканѣ чистой», разумѣется Вальховскій, такъ прозванный товарищами за его добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, а начальствомъ признанный за лучшаго воспитанника. Такъ называетъ его Пушкинъ и въ одной изъ черновыхъ строфъ 19-го октября.

Особенно друженъ поэтъ былъ съ Пущинымъ, который впослѣдствіи, во время принужденнаго пребыванія товарища въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ. Пущинъ не писалъ стиховъ. Въ особомъ посланіи къ нему поэтъ такъ его характеризуетъ:

Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный...
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ...
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.

М. Л. Яковлеву Пушкинъ говоритъ:

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышишь...

Такимъ и я зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда ожи-

вляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и никогда не отказывалъ въ томъ. Пушкинъ прибавляетъ:

Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь;
Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою.

Въ кн. Горчаковѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ, что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы. Незадолго передъ выпускомъ онъ говоритъ князю въ одномъ изъ своихъ посланій:

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ...

То же повторено позже въ извѣстной строфѣ 19-го октября, начинающейся стихами:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ: фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Нельзя не припомнить съ грустью, что въ позднѣйшіе годы жизни своей кн. Горчаковъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который въ молодости оказывалъ ему такое сочувствіе: не такъ поступили Матюшкинъ и гр. Корфъ, хотя послѣдній во многомъ слишкомъ строго судилъ поэта. Не оправдалъ кн. Горчаковъ и ожиданіе Пушкина отъ послѣдняго лицеиста 1-го курса, такъ выраженное въ одной изъ заключительныхъ строфъ 19-го октября:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?..
Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Къ сожалѣнію, эта картина осталась несбывшеюся мечтой поэта.

Между тѣмъ кн. Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища, изъ которыхъ одно онъ прочиталъ мнѣ наизусть, когда я отправлялся въ Москву на открытіе памятника поэту.

При сличеніи стихотворенія *Пирующіе студенты* съ лицейскою годовщиною 1825 года особенно поразительна разность настроенія въ той и другой пьесѣ. Въ первой юношеская безпечность, шалость и удаль, во второй глубокое меланхолическое чувство человѣка, уже много испытавшаго въ жизни, хотя между созданіемъ обѣихъ прошло не много болѣе десятилѣтія.

Въ 1815 г. поэзія Пушкина достигаетъ уже сильнаго развитія не только по количеству новыхъ произведеній, но и по разнообразію и серьезности мотивовъ. Онъ болѣе и болѣе сознаетъ свое дарованіе и въ пьесѣ *Мечтатель* уже говоритъ музѣ:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила;
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

1815-й годъ начинается одою *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которую поэтъ готовилъ еще въ концѣ предыдущаго года къ экзамену при переходѣ въ старшій курсъ. Не буду повторять извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея чтеніе предъ собравшимися въ Лицей посѣтителями; замѣчу только, что несмотря на торжественный, непривычный Пушкину тонъ ея и на нѣкоторыя архаическія формы языка, она представляетъ много прекрасныхъ мѣстъ въ описаніи Царскаго Села и въ связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Въ одной изъ послѣднихъ строфъ поэтъ обращается къ Наполеону:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру, и законы?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
Исчезъ какъ утромъ страшный сонъ...

Въ этомъ же году образъ завоевателя, его быстро прогремѣвшая слава и шумное паденіе не разъ воодушевляютъ Пушкина, напр. въ торжественномъ привѣтствіи на возвращеніе Государя изъ Парижа.

Но особенно относится сюда замѣчательное стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ*, въ которомъ молодой поэтъ пытается угадать, что̀ долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается наконецъ выполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ,
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполнѣ достойна необычайной картины.

Въ стихахъ *Принцу Оранскому*, написанныхъ въ 1816 г. по вызову Карамзина, очерчена окончательная судьба Наполеона:

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ...

Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его:

Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Такъ среди легкихъ вдохновеній, въ стихахъ Пушкина уже отражались и важныя думы, къ которымъ подавали ему поводъ современныя всемірно-историческія событія. Тогдашняя эпоха должна была дѣйствовать возбудительно на всякое художественное дарованіе.

Краткость минутъ, которыми я располагаю, не позволяетъ мнѣ продолжать въ хронологическомъ порядкѣ обзоръ даже однихъ замѣчательнѣйшихъ изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина. И потому я долженъ ограничиться только поименованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уже въ первой половинѣ 1815 г. явилось его превосходное произведеніе изъ римскаго міра *Къ Лицинію*, обратившее на него общее вниманіе и заставившее самихъ родственниковъ поэта сознать его призваніе, въ которомъ они прежде сомнѣвались; затѣмъ: *Роза*, *Гробъ Анакреона*, *Усы*, *Друзьямъ*, *Пробужденіе*, *Пѣвецъ*, *Къ Жуковскому* и проч.

Поговорю еще только о лицейскихъ посланіяхъ Пушкина, какъ одной изъ любимыхъ формъ его тогдашней поэзіи, и притомъ наиболѣе знакомящихъ насъ съ личностью самого поэта и внутреннею стороной лицейскаго быта. Въ 1816 г. мы находимъ у Пушкина цѣлый рядъ посланій. Онъ начинается посланіемъ къ одному изъ наставниковъ, къ Галичу.

Галичъ, бывшій адъюнктомъ по философіи и психологіи въ Педагогическомъ институтѣ, попалъ въ Лицей случайно; именно, вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кошанскаго, принужденнаго для лѣченія переѣхать въ Петербургъ, Галичъ былъ приглашенъ на время его отсутствія для преподаванія лицеистамъ русской и латинской словесности. Такимъ образомъ онъ болѣе года замѣнялъ Кошанскаго, и для этого пріѣзжалъ въ Царское Село. Но Галичъ ни по характеру своему, ни по складу своего ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіи, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его превратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпою каѳедру снисходительнаго лектора; въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, прервать заманчивый разговоръ о томъ и семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: «теперь потреплемъ старика». Впрочемъ надо прибавить, что при обширныхъ познаніяхъ Галича нельзя считать его бесѣдъ съ лицеистами безполезными для ихъ образованія, и конечно такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній. «Пушкинъ», говоритъ біографъ Галича

(покойный акад. Никитенко) *), «особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ талантливый поэтъ». Еще въ 1814 г. въ пьесѣ *Пирующіе студенты* Пушкинъ жалуетъ Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 г. поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Одно изъ этихъ посланій любопытно тѣмъ, что здѣсь выражено первоначальное намѣреніе поэта поступить въ военную службу:

Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ,
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Понятно, что такой наставникъ, какъ Галичъ, очень нравился воспитанникамъ, но былъ не по сердцу начальству и еще задолго до выздоровленія Кошанскаго получилъ увольненіе. Понятно, что и Кошанскій, возвратясь послѣ двухлѣтняго отсутствія, не могъ быть доволенъ успѣхами лицеистовъ за это время и не одобрялъ ни способа занятій съ ними Галича, ни вакхическихъ произведеній своего даровитаго ученика. Есть

*) Ж. М. Н. П. 1869 г., № 1.

отзывъ Кошанскаго о Пушкинѣ, данный черезъ годъ съ небольшимъ послѣ открытія Лицея, въ ноябрѣ 1812 г. Вотъ этотъ отзывъ: «Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти; больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному: почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны». Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина, то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ. Нѣтъ причины предполагать, чтобы Кошанскій и послѣ относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ, и чье-то позднѣйшее показаніе, будто онъ подъ конецъ изъ зависти преслѣдовалъ молодого поэта, сомнительно. Но Пушкинъ, избалованный похвалами, оскорбился замѣчаніями своего профессора и излилъ свое неудовольствіе въ посланіи *Моему Аристарху:*

Помилуй, *трезвый* Аристархъ,
Моихъ *бакхическихъ* посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.

. . . .

Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.

Изъ многихъ мѣстъ посланія видно, что Кошанскій между прочимъ упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради художественныхъ достоинствъ этого посланія можно конечно простить его молодому поэту, но надо сознаться, что оно вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося

о болѣе серьезномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго таланта. Самъ Пушкинъ оправдалъ тогда же такую заботу тѣми изъ своихъ стихотвореній, которыя, отличаясь своимъ строгимъ содержаніемъ, конечно стоили ему и не мало труда. Таково, напр., его прекрасное посланіе къ Жуковскому, напечатанное рядомъ съ посланіемъ къ Кошанскому.

Посланія Пушкина къ товарищамъ: къ Дельвигу, къ Пущину, къ кн. Горчакову, дышатъ по большей части веселостью, но иногда въ нихъ звучатъ и болѣе глубокія ноты.

На дружескій союзъ товарищества лицеистовъ Пушкинъ смотрѣлъ, еще въ послѣднее время своего воспитанія, какъ на что-то высокое и священное. Такъ незадолго передъ выпускомъ онъ пишетъ въ альбомъ Пущину:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и радость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни *первую любовь*.
Мой другъ! *она* прошла... но *съ первыми друзьями*
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами
О милый, вѣченъ онъ.

Глубокій смыслъ заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ, произнесенныхъ какъ будто въ предчувствіи грозной судьбы, ожидавшей поэта.

Около того же времени онъ пишетъ въ стихахъ, посвященныхъ Кюхельбекеру:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Идея о святости лицейскаго братства пріобрѣтала въ душѣ Пушкина все болѣе силы и глубины по мѣрѣ того, какъ кругъ товарищей его рѣдѣлъ и самъ онъ съ лѣтами серьезнѣе смотрѣлъ на жизнь. Высшаго своего выраженія мысль эта достигла въ одной изъ строфъ 19-го октября 1825 г., стихотворенія, исполненнаго глубокой грусти подъ впечатлѣніемъ одиночества поэта въ Михайловскомъ. Отъ обращенія къ Матюшкину онъ переходитъ къ мысли о всѣхъ своихъ товарищахъ:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ.
Срастался онъ *подъ сѣнью дружныхъ музъ...*

Послѣднимъ стихомъ онъ указываетъ на облагороживающее вліяніе поэзіи, подъ которымъ развивалась лицейская семья. Его воспоминанія о Лицеѣ и сознаніе высокаго значенія товарищества періодически выражались въ его стихахъ на годовщину основанія Лицея, которую онъ опять называетъ *святою*. Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо признать главнымъ *творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства*, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицеистовъ.

Въ то же время Пушкинъ болѣе и болѣе сознавалъ свои юношескія заблужденія, жалѣлъ объ утраченномъ времени и осуждалъ легкое, суетное направленіе своей первоначальной поэзіи. Доказательствъ тому много и въ стихотвореніяхъ его и въ дружескихъ письмахъ: Такъ въ лицейской годовщинѣ 1825 г. онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,

Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты.
Опомнимся, но поздно... и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ брату Льву Сергѣевичу, поэтъ нашъ очень рѣзко отзывается о своемъ воспитаніи.

Присоединимся ли мы къ Пушкину въ его самоосужденіи? произнесемъ ли надъ нимъ строгій приговоръ за его недостаточное прилежаніе въ Лицеѣ, за пренебреженіе уроками наставниковъ? Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ пришлось жить первоначальному Лицею, вспомнимъ господствовавшую въ немъ долгое время неурядицу, затѣмъ несовершенство тогдашнихъ методовъ преподаванія, отсутствіе порядочныхъ учебниковъ, и согласимся, что еслибъ Пушкину довелось поступить въ учебное заведеніе вполнѣ организованное, еслибъ онъ воспитывался при другихъ условіяхъ, то и занятія его въ годы воспитанія имѣли бы другой характеръ. Но и въ данныхъ обстоятельствахъ Пушкинъ по-своему не терялъ времени: воспѣвая лѣнь, сонъ и кутежъ, онъ любознательнымъ умомъ своимъ безпрестанно работалъ, и къ нему самому, вѣрнѣе нежели къ кому-либо другому, могутъ быть примѣнены слова, сказанныя имъ незадолго передъ выпускомъ въ посланіи къ гусару Каверину:

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно и добросовѣстно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены; въ Лицеѣ онъ пріобрѣлъ привычку къ самодѣятельности; тамъ онъ положилъ прочное основаніе своему будущему творчеству, своей будущей славѣ, и

вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало славѣ Лицея, тому возвышенному духу, который не умиралъ въ этомъ заведеніи. Но умеръ Пушкинъ! Смерть, о которой онъ нерѣдко задумывался еще въ годы своего воспитанія (какъ видно изъ многихъ мѣстъ его тогдашнихъ стихотвореній), преждевременно сразила великаго сына Лицея. Пусть же Лицей, въ пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти, горячо благословитъ память своего незабвеннаго питомца, который такъ любилъ его, такъ лелѣялъ въ душѣ своей воспоминанія о немъ и въ своихъ стихахъ такъ прекрасно увѣковѣчилъ свое родство съ Лицеемъ.

Заключу прочтеніемъ нѣсколькихъ строкъ *), въ которыхъ онъ какъ будто говоритъ о самомъ себѣ:

. . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...
. . . .
Такъ, онъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ дорогой пѣвецъ лежитъ...
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ.
. . . .
Ничто пѣвца не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

---

*) Изъ стихотворенія *Гробъ юноши*, написаннаго въ 1821 г. по поводу извѣстія о смерти лицеиста Корсакова.

Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина въ Исторіи русской литературы.

Рѣчь И. Н. Жданова.

. . . . Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,
На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ...

Печальная, но вѣрная картина! Да, эта картина не вымыслъ, не отрывокъ изъ романа; то—правда, быль, скорбная и страшная быль.

27-го января 1837 года на одной изъ глухихъ окраинъ Петербурга раздался выстрѣлъ. Широко разошелся гулъ этого выстрѣла и мучительной болью отозвался онъ въ сердцахъ всѣхъ, для кого геній, поэзія, благородная мысль, народная слава не были только «слова, слова, слова».

Вотъ что разсказываетъ Жуковскій, бывшій очевидцемъ послѣднихъ дней и кончины поэта: «съ утра 28-го числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе—и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые—приходили сами. Трогательное чувство на-

ціональной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи».

Прошло два дня. 29-го января въ три четверти третьяго часа пополудни Пушкина не стало.

Потухъ огонь на алтарѣ...

Могучій стонъ вырвался изъ народной груди. Тоска разлилась по русской землѣ. «Горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, передаетъ тотъ же очевидецъ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали, иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ этой молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однозвучно слышалась посреди этого тихаго, смутнаго говора».

Оправдались при этомъ слова поэта:

Несчастье намъ учитель, а не врагъ,
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ.

Въ этой тысячной толпѣ, молчаливо тѣснившейся у гроба поэта, дѣйствительно открывалось что-то великое и торжественное, что-то притомъ неожиданное и небывалое. Впервые на Руси общественная скорбь о кончинѣ поэта выразилась съ такой величественной ясностью, впервые литературная утрата была оплакана, какъ національное горе. Ясно стало тогда, что наша литература поднялась до значенія важной общественной силы, ясно стало, что и общество узнало величіе этой силы, научилось цѣнить творческую мысль, какъ свое лучшее благо и какъ свою высшую славу.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка. И снова встаетъ предъ

общими очами страдальческій образъ безвременно погибшаго поэта, снова повторяется его имя при общественной молитвѣ, снова справляется по немъ народная тризна.

Чувство, которое испытываемъ мы, участники этой поздней тризны, быть можетъ, менѣе болѣзненно, чѣмъ то, которое переживали современники поэта, но оно конечно такъ же искренне, глубоко и сильно.

Не берусь быть истолкователемъ такого чувства. Для этого у меня не стало бы ни времени, ни силъ. Я рѣшаюсь въ слабомъ и бѣгломъ наброскѣ намѣтить одну только сторону дѣятельности великаго поэта, сторону, по которой, мнѣ кажется, всего яснѣе можно опредѣлить историко-литературное значеніе поэзіи Пушкина.

Поразительное и необычайное явленіе представляютъ первые шаги Пушкина въ литературѣ. Онъ выступалъ точно восходящій лучезарный богъ, вызывающій своимъ появленіемъ общую радость, единодушный сердечный привѣтъ. Никто не оспаривалъ его генія. Никто не сомнѣвался въ великомъ будущемъ, ожидающемъ юнаго поэта. Рядъ его первыхъ опытовъ—рядъ его первыхъ успѣховъ.

Жуковскій и Державинъ, пѣвецъ Людмилы и пѣвецъ Фелицы, авторъ балладъ и авторъ одъ, съ одинаковымъ интересомъ прислушивались къ пѣснямъ новаго пѣвца; представители двухъ литературвыхъ поколѣній мирно сходились въ привѣтствіяхъ и благословеніяхъ начинавшему поэту. Есть что-то трогательное и знаменательное въ этомъ союзѣ боровшихся противоположностей, союзѣ, скрѣпляемомъ рукою 16-ти лѣтняго поэта. Тутъ какъ будто разъ навсегда намѣчена была та высокая, примирительная, объединяющая роль, которой Пушкинъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь.

Пушкинъ—художникъ миротворецъ. Въ его поэтическихъ работахъ находили отзвукъ и примиреніе самыя разнообразныя, даже противоположныя движенія общественныхъ и литературныхъ идей. Онъ зналъ какую-то волшебную тайну, которая давала ему средство самые рѣжущіе диссонансы разрѣшать въ своеобразную художественную гармонію.

Позвольте мнѣ иллюстрировать это положеніе нѣсколькими примѣрами.

Время Александра I представляетъ важную и любопытную страницу въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Въ началѣ истекающаго столѣтія въ русскомъ обществѣ опредѣлились и вступили въ борьбу два направленія общественной мысли: «творческое» и «хранительное» по терминологіи Карамзина. Какъ разъ въ ту пору, когда Пушкинъ вступалъ въ жизнь, «творческое» движеніе, во главѣ котораго стоялъ самъ Императоръ, достигаетъ наиболѣе яркаго и опредѣленнаго выраженія. Въ 1818 году, когда только что вышедшій изъ Лицея Пушкинъ писалъ «Руслана и Людмилу», Императоръ Александръ произнесъ свою достопамятную рѣчь при открытіи Польскаго сейма, рѣчь, которая, по выраженію Карамзина, сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ. Къ тому же 1818 году относится другая, тоже памятная рѣчь,—рѣчь Уварова въ собраніи Педагогическаго Института. Наконецъ, все въ томъ же 1818 г. Н. Тургеневъ напечаталъ свой «Опытъ теоріи налоговъ», а Куницынъ свое «Естественное право» и статьи по европейскому государственному праву.

Но не долго раздавались звуки этого дружнаго хора поклонниковъ творческаго духа. Полковникъ Скалозубъ уже обдумывалъ въ это время свою знаменитую фразу: «фельдфебеля въ Вольтеры дамъ», а Фамусовъ искалъ

только случая, чтобы открыто заявить: «Ученье—вотъ чума!» Пройдетъ какихъ-нибудь два года послѣ упомянутыхъ выше рѣчей, и голоса Фамусовыхъ и Скалозубовъ станутъ раздаваться все громче и громче, заглушая «и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ, и гимны важные, внушенные богами».

Авторъ «Руслана» не остался безучастнымъ зрителемъ этой общественной борьбы. Онъ бросился въ схватку со всѣмъ увлеченіемъ молодости, со всей стремительностью своей пылкой природы. Само собой понятно, что ученикъ Куницына оказался подъ знаменами сторонниковъ прогресса. Удары Пушкина, падавшія на дѣятелей противоположнаго лагеря, были безпощадны. Пушкинъ выказалъ при этомъ много непозволительнаго задора, много юношескаго легкомыслія. Но не забудемъ однако, что въ вольнолюбивыхъ пѣсняхъ начинавшаго поэта слышались и серьезные, глубоко прочувствованные и живые мотивы. Назову для примѣра стихотвореніе «Деревня». Кто не помнитъ этихъ прекрасныхъ, полныхъ пророческаго смысла словъ:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря! *)

Мѣнялось время.—«Дней Александровыхъ прекрасное начало» отодвигалось все болѣе и болѣе въ даль. Иные люди выдвинулись впередъ и завели они иныя рѣчи... Пушкинъ остался при этомъ вѣренъ и благороднымъ чая-

*) Стихотвореніе «Деревня» заслужило Пушкину одобреніе Императора Александра I. «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent», сказалъ Государь кн. Васильчикову, который представилъ ему это стихотвореніе.

ніямъ своей юности, и своему примирительному, обобщающему призванію. Онъ отбросилъ отъ завѣтовъ молодости тотъ нѣсколько отвлеченный, космополитическій характеръ, который безспорно представлялъ ихъ слабую сторону. Оказавшійся недочетъ онъ покрылъ на счетъ сторонниковъ иныхъ воззрѣній. Онъ взялъ у нихъ то, чѣмъ они искренне или притворно хвалились, что выставляли на видъ, какъ заброшенную и реставрированную святыню. Гимны этой неоспоримой святынѣ Пушкинъ слилъ съ вольнолюбивыми мотивами своихъ юныхъ дней и создалъ изъ этой смѣси какую-то своеобразную и характерную гармонію. Вотъ почему авторъ, написавшій въ 1831 г. «Бородинскую годовщину» и «Клеветникамъ Россіи», былъ правъ, когда писалъ о себѣ въ 1836 году:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Вернемся опять къ годамъ юности нашего поэта. Въ то время въ кругу чисто-литературныхъ отношеній шла такая же ожесточенная борьба, какъ и въ области общественныхъ идей. Боролись сторонники стараго и новаго слога, Карамзинисты и «славяне», члены чопорной Бесѣды и шутливаго Арзамаса. На сторонѣ послѣднихъ были преимущества достаточно ясныя, если назовемъ имена Жуковскаго и Батюшкова. Но мы бы сильно ошиблись, если бы стали думать, что на противоположной сторонѣ не было важныхъ и несомнѣнныхъ достоинствъ. Въ дѣятельности Карамзинистовъ было два замѣтныхъ пробѣла: слабость народно-поэтической стихіи и отсутствіе драматическаго творчества. А эти два пункта были какъ разъ самыми сильными сторо-

нами у сторонниковъ другого лагеря. Въ ихъ рядахъ высилась внушительная фигура такого мощнаго представителя народнаго слова, какъ Крыловъ. Почтенный Шишковъ старался по мѣрѣ силъ распространять знакомство съ памятниками народнаго слова и народной поэзіи. Что могли противопоставить всему этому почитатели Карамзина? Ужели Бѣдную Лизу, или Ленору, перелицованную въ Людмилу? На сценѣ противники Карамзинскаго направленія господствовали безъ соперниковъ:

Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый,
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой *).

И въ литературной борьбѣ молодой Пушкинъ не остался празднымъ зрителемъ. Назову его стихотворенія: «Желаніе» (1816 г.) «Къ Жуковскому» (1817 г.):

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя,
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй...

Это писалъ членъ Арзамаса, бойкій «Сверчокъ». Но Пушкинъ скоро понялъ, что роль литературнаго сверчка, который долженъ знать только свой шестокъ, не по

*) Изъ кружка Шаховского вышелъ и Грибоѣдовъ.

немъ, что передъ нимъ стоятъ другія, болѣе серьезныя и широкія задачи. На первыхъ порахъ это выразилось въ томъ, что Пушкинъ сталъ искать сближенія съ лучшими дѣятелями противо-арзамасскаго лагеря. Въ 1818 году Пушкинъ завязываетъ дружеское знакомство съ Катенинымъ, а черезъ него знакомится и съ Шаховскимъ. Важно, что въ этихъ знакомствахъ первый шагъ сдѣланъ былъ Пушкинымъ. Біографъ поэта разсказываетъ: «Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей, но выучи! — «Ученаго учить — портить», отвѣчалъ авторъ Ольги».

Въ сближеніи съ противниками Арзамаса Пушкинъ умѣлъ оцѣнить и усвоить себѣ тѣ именно сильныя и лучшія ихъ стороны, на которыя я уже указалъ.

Пушкинъ широко понималъ значеніе народности въ литературѣ. «Съ нѣкотораго времени, писалъ онъ въ 1825 году, у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ *народность*.

«Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего

противника и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлажащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи».

Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться. Нужно только сдѣлать нѣкоторую оговорку. Выборъ предметовъ изъ отечественной исторіи не опредѣляетъ, конечно, «народности» писателя. Но умѣнье не только выбрать, а и съ художественной правдой обработать эти предметы можетъ, конечно, служить вѣрной пробой «народности» поэта. Поэзія Пушкина выдержала эту пробу. Онъ далъ намъ «Бориса Годунова», «Полтаву», «Капитанскую дочку». «Народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ» — признакъ самъ по себѣ конечно внѣшній, указывающій на форму, а не на существо дѣла. Но степень приближенія или отчужденія, симпатіи или антипатіи поэта къ памятникамъ народнаго слова, къ образамъ народнаго творчества, къ народной пѣснѣ и народной сказкѣ служатъ опять-таки вѣрнымъ показателемъ при испытаніи «народности» писателя. Пушкинъ выдержалъ и это испытаніе. Не буду называть его «Руслана и Людмилу», гдѣ народная поэзія является только какъ блѣдная тѣнь. Но кто станетъ отрицать вѣяніе народнаго творчества въ Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ, въ стихотвореніяхъ: «Зимній вечеръ», «Утопленникъ», «Бѣсы», въ сказкахъ «о Царѣ Салтанѣ», «о Рыбакѣ и рыбкѣ»? Рядъ этихъ произведеній въ народно-поэтическомъ стилѣ увѣнчивается такимъ дивнымъ художественнымъ созданіемъ, какъ «Русалка». Припомнимъ еще труды поэта по собиранію памятниковъ народной поэзіи, припомнимъ, что и «Борисъ» и «Полтава»

полны народно-поэтическихъ вліяній. Такими произведеніями могли одинаково наслаждаться и люди, воспитавшіе свой вкусъ на балладахъ Жуковскаго, и поклонники «варяжскихъ стиховъ». Одно изъ литературныхъ противорѣчій было такимъ образомъ снято. Диссонансъ разрѣшился въ гармонію.

Въ современной Пушкину литературѣ велись оживленные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, споры, въ которыхъ едва ли не самое видное мѣсто занималъ вопросъ о драмѣ, о драматическихъ формахъ. Припомнимъ, что въ области драмы сторонники литературныхъ традицій долгое время занимали господствующее положеніе. Что же Пушкинъ? Намъ извѣстенъ его взглядъ на драму, взглядъ, высказанный имъ съ той характеристической своеобразностью, которая называется наивностью генія. «Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу

времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, несмотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на грамматическія оковы... Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что неподходитъ подъ ея законы»...

Очевидно, точка зрѣнія Пушкина была такъ своеобразна, такъ широка и возвышенна, что для него исчезали, какъ несущественныя подробности, всѣ особенности древней и новой драмы, всѣ различія Шекспира и Корнеля. Въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ оставался вѣренъ этой возвышенной, объединяющей точкѣ зрѣнія. Въ «Борисѣ» онъ представилъ опытъ народной драмы въ стилѣ Шекспировскихъ хроникъ, въ «Скупомъ Рыцарѣ», «Каменномъ гостѣ» онъ далъ образецъ драмы съ строго-выдержаннымъ единствомъ драматическаго мотива. И не знаешь, право, чему больше удивляться,—широкому ли размаху кисти въ Борисѣ, или сжатому и строгому стилю его драматическихъ сценъ.

Таковъ былъ Пушкинъ, такова была его высокая примиряющая роль въ нашей литературѣ. Онъ объединилъ въ художественной синтезѣ разнообразныя теченія современной ему общественной и поэтической мысли и этой синтезой очистилъ путь для дальнѣйшаго движенія

нашей литературы. Пушкинъ точно созданъ былъ для такой именно объединяющей роли. Всякая односторонность, всякая крайность и нетерпимость внушали отвращеніе его гармонически настроенной душѣ. «Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ, писалъ Пушкинъ Дельвигу, но разнообразіе спасительно для души!» «Ты отучилъ меня отъ односторонности, писалъ поэтъ Катенину, а односторонность есть пагуба мысли». Это отвращеніе отъ односторонности, это стремленіе къ разнообразію и помогли Пушкину стать тѣмъ, кѣмъ онъ сталъ—вождемъ новаго литературнаго движенія, хоригомъ всей новѣйшей русской литературы.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды...
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды...

Ошибся великій поэтъ. Не напрасенъ былъ его великій трудъ, не прошло безслѣдно его «думъ высокое стремленье». Онъ самъ убѣдился въ этомъ. Онъ уже видѣлъ, какіе пышные всходы далъ его щедрый посѣвъ, онъ видѣлъ, какъ на встрѣчу ему шли новые, молодые таланты, единодушно и открыто называвшіе его своимъ наставникомъ и вождемъ. Руку Пушкина жали Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, другую онъ дружески протягивалъ Гоголю, Лермонтову, Кольцову, — союзъ талантовъ, въ которомъ примиряющее призваніе Пушкина нашло свое высшее выраженіе! Припомнимъ письмо Гоголя послѣ смерти Пушкина: «Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты въ моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и не-

преложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?»... Припомнимъ еще стонъ, съ болью и проклятіемъ вырвавшійся изъ груди Лермонтова при вѣсти о кончинѣ Пушкина. Припомнимъ торжественный плачъ, пропѣтый надъ его могилой Кольцовымъ.

Шли годы. Уходили въ могилу и младшіе современники Пушкина, его ближайшіе ученики. Но не умирала благоговѣйная память о великомъ учителѣ, не забывались его поэтическіе уроки. Пушкинскіе завѣты, какъ родовая святыня, передавались однимъ поколѣніемъ другому. И теперь стоитъ передъ нами образъ Пушкина, окруженный такимъ же свѣтящимся нимбомъ, какъ и въ былые далекіе дни. И теперь передъ этимъ образомъ мирно сойдутся люди самыхъ несходныхъ настроеній и самыхъ противоположныхъ стремленій.

Поэтъ-пророкъ предвидѣлъ это:

«Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ».

И онъ не умеръ въ самомъ дѣлѣ. Не умеръ въ нашей литературѣ негодующій пророкъ, который призванъ

«Глаголомъ жечь сердца людей»,

не умеръ и добродушный разсказчикъ, передающій

Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

Не умеръ художникъ русскаго слова, не умеръ народный пѣвецъ. Онъ живъ. Живъ великій поэтъ, потому что жива русская поэзія, жива русская мысль, живъ русскій геній.

О вліяніи Лицея на творчество Пушкина.

Рѣчь В. П. Гаевскаго.

Лицей сдѣлалъ мнѣ честь приглашеніемъ участвовать въ сегодняшнемъ чествованіи памяти Пушкина, и сказать нѣсколько словъ о жизни или произведеніяхъ великаго поэта. Съ большимъ сочувствіемъ принимаю приглашеніе, но сознаю всю трудность задачи. О Пушкинѣ такъ много написано, его жизнь и сочиненія такъ часто служили предметомъ разностороннихъ изысканій, что трудно сказать что-либо новое и интересное. Съ другой стороны дѣятельность Пушкина представляетъ такой неистощимый предметъ для изученія, что въ ней все еще открываются новыя, нетронутыя стороны. На которой же изъ нихъ остановиться? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ подсказываютъ кругъ моихъ слушателей и мѣсто нашей бесѣды. Вспоминая въ Лицеѣ о его геніальномъ питомцѣ, говоря о Пушкинѣ среди лицеистовъ, всего естественнѣе остановиться на томъ вліяніи, которое Лицей имѣлъ на творчество Пушкина. Желая быть возможно краткимъ, и оставляя въ сторонѣ общія разсужденія о вліяніи воспитанія, ограничусь весьма немногими чертами; при чемъ не буду касаться лицейскихъ стихотвореній, такъ какъ о нихъ мы только

что выслушали живое и полное интереса изслѣдованіе Я. К. Грота.

Въ исторіи литературы едва ли найдется примѣръ болѣе сильнаго воспитательнаго вліянія, чѣмъ то, которое оказалъ Лицей на Пушкина, и. которое болѣе или менѣе высказывается во всѣ періоды его творчества. Произведенія Пушкина имѣютъ автобіографическое значеніе. По нимъ можно прослѣдить развитіе умственной жизни поэта; въ нихъ чувствуется связь внѣшнихъ впечатлѣній съ его внутреннимъ міромъ; на нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются вліянія, которымъ онъ подчинялся. Эта особенность, то ослабѣвая, то возвращаясь съ новою силою, проходитъ чрезъ всю дѣятельность Пушкина, и многія изъ его лучшихъ произведеній даже послѣдняго времени озарены, по его выраженію,

Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.
(Посланіе Пущину 1826 г.).

Событія лицейской жизни, начиная съ того дня, когда онъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ Лицей, уже даютъ ему образы для высоко-художественныхъ произведеній. Вотъ какъ по прошествіи 25 лѣтъ, въ послѣдней «Лицейской Годовщинѣ» 1836 г. Пушкинъ вспоминаетъ объ открытіи Лицея:

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
(19 Октября 1836 г.).

Куницынъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ преподавателей своего времени, и занималъ въ Лицеѣ съ 1811 по 1816 г. каѳедру логики и нравственной фило-

софіи Привѣтствіе, сказанное Куницынымъ при открытіи Лицея, было «Наставленіе воспитанникамъ о цѣли о пользѣ ихъ воспитанія». Рѣчь эта произвела впечатлѣніе, и Пушкинъ неоднократно вспоминаетъ о Куницынѣ, имѣвшемъ на него нравственное вліяніе.

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

(19 Октября 1825 г.).

Эти четыре стиха, конечно больше чѣмъ всѣ сочиненія Куницына, сохранятъ имя его отъ забвенія.

Послѣ Куницына выдающееся значеніе по своему вліянію имѣлъ Кошанскій, уже пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью въ литературѣ, и преподававшій русскую и латинскую словесность и неизбѣжную въ то время риторику. Къ счастью для Лицея, при самомъ его учрежденіи уже вѣяло въ обществѣ новою жизнью, и профессорамъ предписывалось «тщательно избѣгать пустыхъ школьныхъ украшеній», и переходя отъ простого повѣствованія къ слогу ораторскому и возвышенному, не ускорять симъ послѣднимъ, «дабы не дать дѣтямъ ложнаго и напыщеннаго вкуса, а показать имъ только сей послѣдній родъ издалека и мимоходомъ». Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Кошанскій отказался отъ убѣжденій, но онъ не могъ не чувствовать, что они уже были анахронизмомъ для молодого поколѣнія, и покорялся духу времени. Лекціи его походили на бесѣды, вслѣдствіе чего установилось сближеніе между профессоромъ и воспитанниками. Но тѣмъ не менѣе Кошанскій оставался представителемъ напыщеннаго классицизма, надъ которымъ тогдашніе лицеисты уже не мало подсмѣивались.

Къ небольшому числу преподавателей, имѣвшихъ вліяніе на Пушкина, слѣдуетъ отнести и Галича, автора «Исторіи философскихъ системъ», который одинъ изъ первыхъ содѣйствовалъ распространенію у насъ философскаго образованія, и подвергся въ 1824 г. жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Магницкаго и Рунича. Галичъ назначенный въ помощь Кошанскому, котораго отвлекало отъ преподованія управленіе Лицеемъ по смерти перваго директора Малиновскаго, занимался съ воспитанниками съ мая 1814 по іюнь 1815 г. Хотя Галичъ только промелькнулъ въ Лицеѣ, но имя его въ этотъ краткій періодъ безпрестанно встрѣчается у Пушкина. Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты*, автографъ котораго находится въ Лицеѣ, и которое, въ видахъ благонравія, переименовывалось въ печати въ *Пирующіе друзья*, Пушкинъ вѣрно изобразилъ Галича, котораго называетъ апостоломъ нѣги и прохладъ, и младшимъ братомъ Эпикура. Галичъ былъ предобрый и презабавный чудакъ, и обращался съ воспитанниками какъ съ друзьями. Онъ занимался съ ними всѣмъ, исключая своихъ предметовъ, читалъ театръ Коцебу, выслушивалъ стихи, и только въ ожиданіи посѣщенія начальства, изрѣдка заглядывавшаго на лекціи, принимался за Корнелія Непота или Цицерона, приговаривая: «потреплемъ старика!» Далекій отголосокъ этого выраженія находимъ въ концѣ 2-й главы *Евгенія Онѣгина:*

О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

Воспоминаніями того же времени начинается 8-я глава *Евгенія Онѣгина:*

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ...

Въ первоначальной редакціи было:

Читалъ охотно Елисея,
А Цицерона проклиналъ...

Елисей—шуточная поэма Василія Майкова, которою восхищался Пушкинъ даже за порогомъ Лицея, какъ видно изъ письма его къ А. Бестужеву 1823 г.

Вліяніе названныхъ трехъ лицъ, хотя имѣло весьма значительную долю въ литературномъ развитіи Пушкина, но ограничивалось Лицеемъ, и притомъ не было преобладающимъ. Несравненно большее вліяніе на развитіе творческаго духа Пушкина имѣла совокупность тѣхъ необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствъ и случайностей, которыя, по волѣ судьбы, окружали его, и въ которыхъ Лицею принадлежитъ первенствующая роль. Необыкновенная торжественность открытія Лицея, военныя событія и вызванный ими небывалый еще подъемъ народнаго духа,—вотъ первыя глубокія впечатлѣнія, отразившіяся на творчествѣ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ ..

(19 Октября 1836 г.).

Ни въ одной литературѣ нѣтъ ничего равносильнаго по искренности и глубинѣ патріотическаго чувства и по художественности его выраженія. Зависть, о которой упоминаетъ Пушкинъ, одушевляла все тогдашнее юношество, и великій поэтъ, по прошествіи четверти вѣка, является выразителемъ патріотическаго порыва, еще

никогда не воплощавшагося въ такія высоко-художественныя формы. Къ этому же циклу поэтическаго творчества относятся: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* 1815 г., *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ* 1829 г., *Къ тѣни полководца*, *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*. Въ послѣдней даже чувствуется еще вліяніе, хотя уже весьма отдаленное, державинской оды *На взятіе Варшавы* (1794 г.). Всѣ эти пять одъ имѣютъ внутреннюю связь, проникнуты однимъ настроеніемъ, въ нихъ звучатъ тѣ же патріотическія струны, которыхъ еще въ Лицеѣ заслушивались Державинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Но какъ далеко отъ нихъ шагнулъ Пушкинъ, и какая неизмѣримая разница между нимъ и всѣми его предшественниками и въ достоинствѣ языка, и въ красотѣ выраженія!

Царское Село съ своими историческими воспоминаніями, величественными садами и памятниками военной славы, гдѣ

... каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ,
(Воспом. въ Ц. С. 1815 г.).

неоднократно вдохновляло Пушкина. Его оба воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, хотя отдаленныя одно отъ другого на 14 лѣтъ, вызваны тѣми же впечатлѣніями, написаны одинаковымъ размѣромъ, и служатъ какъ бы дополненіемъ другъ другу. Но второе носитъ болѣе личный характеръ и выражаетъ душевное настроеніе поэта по возвращеніи послѣ долгихъ тревогъ въ спокойное уединеніе Царскаго Села, которое онъ называлъ «отечествомъ».

Къ числу причинъ, благопріятствовавшихъ развитію Пушкина, слѣдуетъ отнести литературное направленіе, составлявшее отличительную черту лицейскаго воспи-

танія. Подъ руководствомъ Кошанскаго и при содѣйствіи нѣкоторыхъ воспитателей образовались бесѣды, на которыхъ каждый изъ воспитанниковъ обязанъ былъ разсказать что-нибудь. Такимъ образомъ являлся разсказъ за разсказомъ, въ которыхъ подробности вводились и развивались нѣсколькими лицами, и въ короткое время образовался запасъ разсказовъ и анекдотовъ, которые потомъ записывались, читались въ дружескомъ кругу, переходили изъ рукъ въ руки, и послужили матеріаломъ для лицейскихъ журналовъ, изъ которыхъ первый, подъ названіемъ «Вѣстникъ», явился уже въ декабрѣ 1811 г. На этихъ бесѣдахъ, бывшихъ литературною школою и первымъ поприщемъ Пушкина, онъ разсказалъ въ главныхъ чертахъ двѣ повѣсти, которыя обработалъ впослѣдствіи, и напечаталъ подъ заглавіями: *Выстрѣлъ* и *Мятель*. Такимъ образомъ оба эти произведенія, напечатанныя въ 1830 г., въ числѣ «Повѣстей Бѣлкина», обязаны своимъ происхожденіемъ Лицею. Нѣтъ сомнѣнія, что эта литературная школа наиболѣе содѣйствовала самообразованію воспитанниковъ, развивала ихъ вкусъ и воображеніе, и приближала къ главнымъ условіямъ художественнаго творчества, реальности содержанія и изяществу формы.

Наиболѣе рѣшительное вліяніе на стремленія и наклонности Пушкина имѣлъ тотъ литературный кругъ, въ которомъ онъ обращался съ дѣтства, и который еще расширился въ Лицеѣ. Одновременно съ Пушкинымъ поступило туда семеро воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона, уже давно отличавшагося литературнымъ направленіемъ. Труды его воспитанниковъ печатались въ сборникахъ, и между пансіонерами существовало литературное общество, имѣвшее уставъ. Это же направленіе, при содѣйствіи Кошанскаго, ко-

торый самъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ въ его пансіонѣ, было перенесено въ Лицей, и попавъ на готовую почву, получило дальнѣйшее развитіе. Пушкинъ еще въ Москвѣ, въ домахъ отца и дяди, извѣстнаго поэта Василія Львовича, имѣлъ случай встрѣчаться со многими писателями. Одинъ изъ нихъ А. И. Тургеневъ, пріятель отца, особенно содѣйствовалъ опредѣленію Пушкина въ Лицей, самъ привезъ его изъ Москвы, и принималъ горячее участіе въ его литературныхъ опытахъ и первыхъ успѣхахъ. Тургеневу же суждено было 50 лѣтъ тому назадъ навсегда увезти Пушкина изъ Петербурга. Литературныя связи расширялись по мѣрѣ успѣховъ, и еще въ Лицеѣ Пушкинъ познакомился съ Державинымъ, Дмитріевымъ, Нелединскимъ - Мелецкимъ, Карамзинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, который подарилъ ему свои стихотворенія, и княземъ Вяземскимъ, съ которымъ съ 1816 г. вступилъ въ дружескую переписку, не прерывавшуюся до конца жизни.

Говоря о кружкахъ, оставившихъ вліяніе на Пушкина, нельзя не упомянуть объ офицерахъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Лицеисты встрѣчались съ ними въ семейныхъ домахъ и особенно въ манежѣ, посѣщеніе котораго было обязательно для воспитанниковъ, готовившихся въ военную службу. Хотя въ извѣстной *Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ* Пушкинъ не особенно лестно отзывается объ ихъ большинствѣ, но между ними были люди съ европейскимъ образованіемъ и любившіе литературу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ еще въ Лицеѣ установилась дружба, основанная на общихъ умственныхъ интересахъ, и продолжавшаяся всю жизнь. Ярче другихъ въ этомъ кружкѣ выдѣлялся П. Я. Чаадаевъ, одинъ изъ образованнѣй-

шихъ людей своего времени, впослѣдствіи знаменитый авторъ надѣлавшихъ столько шуму *Философическихъ писемъ*. Къ его портрету Пушкинъ, при выпускѣ изъ Лицея, написалъ извѣстную надпись; ему же посвятилъ три превосходныя посланія, постоянно искажавшіяся цензурою; а Грибоѣдовъ изобразилъ его въ Чацкомъ. Вспомнимъ съ благодарностью, что ходатайству Чаадаева Пушкинъ отчасти обязанъ избавленіемъ отъ ссылки, угрожавшей ему въ 1820 г. за оду *Вольность*. Изъ другихъ офицеровъ, съ которыми подружился Пушкинъ, назовемъ бывшаго геттингенскаго студента Каверина и Зубова, фамиліи которыхъ неоднократно встрѣчаются у Пушкина. Обоимъ онъ написалъ въ альбомы при выпускѣ изъ Лицея, а о Каверинѣ вспоминаетъ въ 1-й главѣ *Евгенія Онѣгина*. Гусарскіе же офицеры являются дѣйствующими лицами въ упомянутыхъ двухъ повѣстяхъ *Выстрѣлъ* и *Мятель*.

Наибольшее вліяніе на творчество Пушкина имѣлъ Батюшковъ. Вліяніе это, уже замѣтное въ 1814 г., продолжалось и за порогомъ Лицея, и чувствовалось даже въ лучшую пору творчества Пушкина. Въ Батюшковѣ его увлекали и содержаніе, заимствованное у любимыхъ ими обоими французскихъ эротическихъ поэтовъ, особенно Парни, и необыкновенныя для того времени изящество формы и музыкальность стиха, въ которыхъ Батюшковъ не имѣлъ тогда соперниковъ. Изъ лицейскихъ стихотвореній въ подражаніе ему написаны посланія: *Къ сестрѣ*, *Къ другу — стихотворцу*, *Къ Батюшкову*, *Пирующіе студенты*, *Городокъ*, *Воспоминаніе* и нѣкоторыя другія. Въ произведеніяхъ позднѣйшаго періода уже гораздо менѣе подражаній Батюшкову, но вліяніе его чувствуется еще во многихъ, преимущественно антологическихъ стихотвореніяхъ: *До-*

рида, *Нереидѣ* (1820 г.), «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и *Муза* (1821 г.). Это послѣднее стихотвореніе, по признанію самого Пушкина, напоминаетъ Батюшкова. Оно вписано въ альбомъ Иванчину-Писареву, и на вопросъ его Пушкину, почему онъ выбралъ именно это, а не другое стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: «Я люблю его, оно отзывается стихами Батюшкова». Послѣдній слѣдъ его вліянія находимъ въ 1833 г. въ одномъ изъ самыхъ зрѣлыхъ произведеній Пушкина, *Мѣдномъ Всадникѣ*. Мысли и даже нѣкоторыя выраженія въ этой высоко-художественной поэмѣ заимствованы изъ описанія Батюшкова *Прогулка въ Академію Художествъ*, которое Пушкинъ зналъ еще въ Лицеѣ. Странно, что никто изъ многочисленныхъ изслѣдователей Пушкина не обратилъ вниманія на эти заимствованія, впервые указанныя въ вышедшемъ сегодня изданіи литературнаго фонда. Приводимъ для сравненія выдержки изъ того и другого произведенія.

У Батюшкова читаемъ:

«Воображеніе представило мнѣ Петра, который обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные».

А у Пушкина:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася.

У Батюшкова:

«Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта».

У Пушкина:

И думалъ онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ.

У Батюшкова:

«Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства».

У Пушкина:

Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ.

У Батюшкова:

«Что было на этомъ мѣстѣ до построенія Петербурга? Дремучій боръ или топкое болото... Сказалъ—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота».

У Пушкина:

Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.

У Батюшкова: «Ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены были мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда съ трудомъ пробирался длинновласый финнъ... Великолѣпныя зданія ярко отражались къ зеркалѣ Невы»...

У Пушкина:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ...

Приведенное сопоставленіе поучительно и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ иногда ничтожное обстоятельство или самая обыкновенная мысль воспри-

нимаются творческою силою воображенія и воплощаются въ художественные образы. Пріемы Пушкинскаго творчества представляютъ многочисленные къ тому примѣры. Приведу одинъ изъ нихъ, еще неизвѣстный. Въ 1834 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Петербурга въ Москву о семейныхъ дѣлахъ. Письмо было, по обыкновенію, распечатано на почтѣ, и по совпаденію именъ, послужило поводомъ къ новымъ подозрѣніямъ и непріятностямъ. Потребовалось объясненіе, но обвиненія были такъ нелѣпы, что разсѣялись немедленно. Эта набѣжавшая тучка дала мысль для прелестнаго стихотворенія:

Послѣдняя туча разсѣянной бури...

Повидимому между послѣдствіями письма и стихотвореніемъ не существуетъ никакой внутренней связи, но въ подобныхъ необъяснимыхъ процессахъ мысли и заключается непроницаемая тайна художественнаго творчества.

Оканчивая рѣчь, не могу не обратить вниманія на ту роковую случайность, которая еще крѣпче связываетъ Лицей съ именемъ Пушкина. Въ Лицеѣ раздались его первыя пѣсни; въ его же память прозвучала послѣдняя, 19 октября 1836 г. Послѣ этой, 25-й годовщины, Пушкинъ уже ничего не писалъ... Его славное поприще завершилось вдохновеннымъ обращеніемъ къ Лицею. Да послужитъ оно завѣтомъ и для насъ, и для будущихъ поколѣній, да процвѣтаетъ взлелѣявшій Пушкина, родной нашъ Лицей, и да хранитъ онъ свои священныя преданія, съ которыми навсегда связано имя великаго поэта!

Памяти лицейскаго поэта.

(† 29 Января 1887 г.).

Когда народнаго кумира
Встаетъ увѣнчанная тѣнь,—
Никѣмъ не призванная лира
Гремѣть дерзнетъ ли въ скорбный день?
Къ чему теперь хвалы, восторги и привѣты,
И лавры свѣжіе, и новые вѣнцы?..
Молчатъ великаго преемники-поэты,
Замолкли юные пѣвцы.
Ихъ пѣсни были бы ничтожны
Передъ высокимъ образцомъ—
И Пушкина почтить достойно можно
Лишь только Пушкинскимъ стихомъ.

* *
*

Къ чему же повторять, что Пушкинъ—«воплощенье
Всѣхъ русскихъ думъ и чувствъ»,—народныхъ мыслей,—
силъ,
Что нашей музы возрожденье
Своимъ стихомъ онъ освятилъ,
Что нашу жизнь согрѣли, освѣтили
Его поэзіи блестящіе лучи,—

Что жизнь поэта отравили,
Свели къ безвременной могилѣ
«Свободы, генія и славы палачи»,
Что—«поэтическій Мессія,
Онъ всеобъемлющъ и великъ»,
Что имъ прославлена Россія;
Что памятникъ себѣ воздвигъ
Поэтъ въ вѣкахъ нерукотворный;
Что низкой лестью, злобой черной
Онъ никогда не оскверняль
Свой стихъ стальной, что онъ упорно
Служенье красотѣ и правдѣ защищалъ,
Что милость къ падшимъ призывалъ,
И сѣмя мысли животворной,—
Насилью, гнету непокорной,—
Онъ въ массы темныя бросалъ.

* *
*

Но чудный стихъ его, въ могучихъ и свободныхъ
Отзвукахъ, разнося по всей Руси родной
Порывы мыслей благородныхъ,
Гремя «какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ»,—
Впервые раздался въ Лицеѣ, гдѣ поэтъ
Почувствовалъ свое великое призванье,
Гдѣ—вдохновеніемъ согрѣтъ,
Свои грядущія созданья
Еще онъ самъ неясно различалъ
Въ туманныхъ образахъ,—но гордое сознанье
Ужъ создало высокій идеалъ.
«Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье»—
Но ихъ поэтъ не забывалъ.
И лицеистъ съ тѣхъ поръ, благоговѣя

Предъ памятью его, всегда благословлялъ
«Тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ».

* *
*

И въ память этихъ дней, вдали отъ шума свѣта,
Собравшись родственной и дружною семьей,
Не всенароднаго—лицейскаго поэта
Не можетъ не почтить Лицей, ему родной.
Пусть слабый стихъ гремитъ надъ славною могилой,
Онъ все жъ безъ отзыва въ отчизнѣ не умретъ,
«Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой»,
Признательности дань поэту принесетъ,
И въ день печальный, день унылый
Въ насъ бодрость духа воззоветъ.

Лицеистъ В. Зотовъ.

Пирующіе студенты

Друзья, досужный часъ насталъ,
Все тихо все въ покоѣ,
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское въ стеклѣ
Друзья, почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ
~~[illegible]~~ Фоліантъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ,
Мы полемъ овладѣемъ
Подъ столъ ученыхъ дураковъ.
Безъ нихъ мы: пить умѣемъ —
Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента
На всякій случай изберемъ
Скорѣй президента
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ и грогъ душистой
А вамъ спартанцы поднесетъ
Воды въ ~~[illegible]~~ стаканѣ чистой —
Апостолъ нѣги и прохладъ
Мой добрый Г— vale
Ты Эпикуровъ младшій братъ:
Душа твоя въ бокалѣ

Главу вѣнками убравъ
Рядъ камней [illegible]
И [illegible] самый [illegible] —
Увлекаемый [illegible]

***

Донъ-Кихотъ
~~[illegible]~~ Дмитріевъ читаетъ стихи?
Окромѣ истинныхъ [illegible]
Ты [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] со [illegible]
Въ вѣкахъ забытъ другъ [illegible] [illegible]
Путникъ [illegible] [illegible]
Вздыхаетъ нашей Музы отъ
Хорошенькій [illegible]
Остряк любезный, по рукамъ!
Пишите басни [illegible]
Иль вы сотню эпиграммъ,
На недруговъ и друга

*

Ахти, [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible]
Ты будущихъ вѣковъ оракулъ [illegible]
На прочее — [illegible]! —
[illegible] [illegible], [illegible] и [illegible],
[illegible] [illegible]
Придворный духъ [illegible] [illegible]
[illegible] Шаликовскій

Товарищъ милый, другъ прямой
Тряхнемъ рукою руку
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся

А ты который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышишь;
Забавный право ты поэтъ
Хоть плохо рифмы пишешь,
Счастливый шалунъ [illegible]
Люблю тебя душою
Наполни кружку до краёвъ
Рассудимъ, Богъ съ тобою!

А ты, повѣса изъ повѣсъ
На шалости рожденный
Удалый хватъ, головорѣзъ
Приятель задушевный
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ
И пить давайте снова.

Привороженъ, милый мой, къ тебе [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
Блистаешь [illegible] [illegible]
Какъ шаловливо въ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]! [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
Запиваю [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

1. Классъ

Посланія

къ Александру.
къ Жуковскому

къ Батюшкову.
къ Галичу

Дельвигу
Дельвигу
Сестрѣ
Бонапарте?
къ [illegible]
Пущину
Ломоносову
Трубецкому
Лицинію
Кюхельбекеру.
Аристарху
[illegible]
Друзьямъ
Шишкову
[illegible]
~~Загряжской~~

Лирическія.
Наполеонъ на Эльбѣ
Воспоминанія въ Ц. С.
На Оранскаго принца
Къ Венерѣ? —
Слеза —
Измѣна?
Урна?
Мечтатель
Романсъ
[illegible]
[illegible]

XX. Элегіи
Эпиграммы [illegible]
Картины
Оды —

Кн. Д......

Помещик, муж невинный,
Лукавый духовник:
Жидок, поэт путешественник,
Надзиратель с кислой миной,
Угнетенный я судьбою,
И я слабой покинут
Пред милой обществом,
Мой дядюшка-подьячий
Что мне дал совет
И с мужиками в ...:
С начала я шатался
Шут ... крайне
А там как начальник —
И вот теперь я брать
Тому, сему, другому,
~~...~~ Полковнику, Пустому —
Дай-ка извинить
Дать ли мне в досаду —
(Что скажет в ... ?)
~~...~~
... ~~...~~ Царю' ... досаду,
~~...~~ ... :
Смотрите: вот пиит!
Спасибо за ...!

Никто мой [illegible] вкусъ?
На критиковъ потопъ —
Хоть станутъ въ [illegible]
Угадывать [illegible]; —
Каждый нападаетъ [illegible]
Монахъ твои стихи
Что [illegible] задачи
Что [illegible] [illegible]
Въ [illegible] [illegible],
~~[illegible]~~ [illegible] на [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible]
И пишетъ въ добрый часъ: —
Цвѣтникъ ли Аполлона
Мнѣ видно за одно; —
И мнѣ оставить ~~[illegible]~~ [illegible] —
~~[illegible]~~ [illegible] —
[illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
Куда ~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]. —
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] въ [illegible] [illegible]
И ~~[illegible]~~ [illegible] ~~[illegible]~~
[illegible] [illegible]. —
[illegible] - [illegible]

[illegible]

~~[illegible]~~ [illegible]

~~[illegible]~~

Съ учёною старухой.
„Ахъ, сударь! какъ славно —
„Что пишете стишки?
„Увидитъ ли ихъ свѣтъ? —
„Что въ нихъ изображено
„Конечно чувства,
„Конечно [illegible].
Мы тужимъ вечеромъ-фортепьяно
„~~[illegible]~~ [illegible] и цвѣтами....."
Съ Фурмановыми [illegible]
Съ Тарловымъ [illegible]
* * *
Съ ~~[illegible]~~ восторгами.. —
[illegible], Аполлонъ!..... —

А. П.

